

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.132-14(470.13)

А. В. Малева

ПОЭЗИЯ ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЭТИКИ АЛЕКСАНДРЫ МИШАРИНОЙ

Статья посвящена творчеству Александры Мишариной – первой крупной коми поэтессы. К изучению ее творческой индивидуальности обращались коми литературоведы В. А. Латышева, В. Н. Демин и др. Их внимание было сосредоточено на тематических, жанровых, а также изобразительных особенностях ее стихотворений. Цель данной работы – осмыслить своеобразие авторского мировидения и его художественного воплощения в тексте, выявить доминирующие черты поэтики и некоторые эволюционные трансформации в области лирического мироощущения.

Ключевые слова: коми поэзия, женская лирика, авторское мировидение, поэтика.

*Крут бужёд бокин быдмис мича коз,
Ни вуж, ни сьёлём сьлён эз вёв кос.
А визув юыс, васё нуигтыр,
Чав лыа берег буждёлдаліс пыр.
И пёрны кётъ нин козйыс кутём,
Но вермасьё мый вынсьыс юкёд.
И пыр на вылын кутё ассъыс юр:
Од олёмьд пыр дона, шань да бур.*

А. Мишарина

У крутого обрыва росла красивая ель,
Ни корень, ни сердце ее не были сухими.
А бурная река, неся свои воды,
Непрестанно вымывала песчаный берег.
И хоть начала уже ель валиться,
Но состязается с рекою из последних сил.
И все так же высоко держит свою голову:
Ведь жизнь все так же дорога, любима и добра*.

* Здесь и далее подстрочный перевод наш. – М. А.

Как отмечают исследователи, «повседневность... наравне с интеллектуальной и художественной культурой является важнейшим аспектом любой цивилизации. Именно она наглядно свидетельствует об изменениях в менталитете, психологии, понимании красоты, которые не были чем-то постоянным, а в своей динамике, несомненно, характеризовали ту или иную стадию развития общества»; «сама повседневность несет в себе определенные этические и эстетические смыслы» [8. С. 122].

Первая крупная коми поэтесса Александра Петровна Мишарина (1946–2013) – автор девяти поэтических сборников, два из которых посвящены детям; первая книга ее стихов была издана в составе коллективного сборника [9]. Лирика Мишариной получает особое звучание в ряду преобладающих мужских поэтических голосов в коми литературе сер. 1960-х – нач. 70-х гг. В раннем ее творчестве мироустройство пронизано солнечными красками и гармонией, ощущение которой незыблемо: выражается в общении с детьми, в наблюдении за северной природой и сельским образом жизни, в поглощенности объектом любви как источником вдохновения, в выявлении форм духовной красоты человека, в утверждении духовно-нравственного становления личности и ее участия в созидании гармоничной жизни общества. В этот период А. Мишарина полностью сосредоточена на изображении окружающего мира: для нее характерны поэтизация современности в ее общечеловеческих ценностях и стремление к непосредственному дидактическому воздействию на мир поэтическим словом: *Гашкӧ, сэтшӧм кыв ме шуны кужа, / Сьӧлӧм шонта кодлыськӧ на тайӧн* ‘*Может быть, такое слово я смогу сказать, / Отогрею чье-нибудь я сердце*’ («*Асья шондӧыскӧд эскӧм чужӧ...*»), «С утренним солнцем рождается вера...»). По мере творческого роста поэтесса насыщает лирику образами, выражающими национальные особенности жизни коми, обращается к осмыслению крупных исторических событий XX в., как они преломляются в жизни родного народа, развивает гражданские мотивы; при этом неизменны переживания-размышления о любви, стихи о детях. Мироощущение поэтессы в ее поздних сборниках отражает правду жизни в оттенках драматичного: в переоценке внутреннего и окружающего мира. Эволюция мироощущения поэтессы прослеживается и в семантике названий ее сборников: «*Тэ – менам кок ув му*» («Ты – моя родина», букв. «основа под ногами», 1977) → «*Войвыв дзоридз*» («Северный цветок», 1980) → «*Рытья сёрни*» («Вечерние беседы», 1991) → «*Сьӧлӧм дой*» («Боль в сердце», 1996). Полные вдохновения восклицания постепенно сменяются задушевной и задумчивой беседой; непреклонность и уверенность в тех или иных жизненных постулатах – растерянностью, сомнениями, недоумением и даже разочарованием; неиссякаемая восхищенность жизнью перерастает в боль сердца. Но несмотря на зарождающийся с годами диссонанс в мироощущении лирической героини, неизменной на протяжении всей творческой деятельности Мишариной остается ее верность духовному принципу, утверждающему ценность ежедневной, земной жизни человека, что закреплено в названии последнего прижизненного сборника – «*Шань сьӧлӧмӧн сьыла*» («Пою от сердца доброго», 2005).

Ценность жизни в лирике А. Мишариной определяется особым представлением о мироустройстве: земная жизнь предстает как единственно существующее,

самоценное пространство, в центре которого – человек активный, динамичный, нравственно цельный. Экстравертность мироотношения героини выражается в тяготении ее к информативности, императивности и дидактичности. Для этого поэтесса использует лексику и синтаксис повседневной речи, а также строгую формальную упорядоченность поэтических текстов. Остановим внимание на данных чертах ее поэтики.

В. А. Латышева обратила внимание на то, что женская коми лирика в лице А. Мишариной, несмотря на формальную близость к мужской поэзии того периода, внесла свое понимание и переживание времени, отодвинув поэзию от стандартных, пафосных, «холодных» восклицаний, вернув ее как к глубоким переживаниям, так и к силе поэтической мысли [4. С. 49]. В проникновенном восприятии героиней оттенков души человека заключен женский взгляд на мир [4. С. 46]: «женщина раньше всех почувствовала новое время, когда лирика как литературный род вернулась на свои извечные интимные и человеческие пути подлинных чувств, освободившись от ложного пафоса и казенных эмоций» [5. С. 335]. Об отличии ее лирики от мужской пишет также В. Н. Демин, сопоставивший образы сельской детворы в стихотворении А. Мишариной «*Сиктса челядьлы*» («Сельским ребятишкам») и А. Ванеева «*Ичӧтик зоньяс*» («Мальчишки») и характеризующий особенности создания женского образа в коми поэзии: «психологический мир девушки пытались раскрыть и А. Ванеев <...>, Г. Юшков <...>, но по-настоящему он раскрылся в поэзии А. Мишариной» [3. С. 267].

Характеристика другого человека в лирике поэтессы – это прочувствованное «проникновение» в структуру его душевной организации, глубокое вживание в его образ: «*Пленын вӧвлӧм врачлы*» («Врачу, бывшему в плену»), «*Воксӧ воштіс*» («Потерял брата»). Как отмечают исследователи, для женского мировосприятия характерны «монизм», «контекстуальность», т. е. большая ориентация на конкретную ситуацию и взаимосвязь людей друг с другом», обусловленная тем, что «сферой жизнедеятельности женщины <...> на протяжении всей обозримой истории была семья, где приоритетными являются забота, любовь, сочувствие», «повседневная <...> работа женщины как матери и жены всегда требовала не общих знаний, а знаний совершенно конкретных, связанных с чувством индивидуальности каждого члена семьи, с чувством контекста всех условий их жизни» [1. С. 176].

Для героини А. Мишариной характерно и жалостливое отношение к животным, раскрывающее женскую наблюдательность, впечатлительность и чуткость, умение сопереживать чужой боли, пропускать ее через себя: личная боль лирической героини – это в первую очередь следствие чужой боли. Так, в стихотворении «*Вотчан кадӧ*» («Время сбора урожая») героиня сочувствует преследуемому охотниками животному (*коньӧр ошкӧй* ‘бедный мой медведь’), в то время как автор-мужчина, на наш взгляд, сосредоточил бы внимание на значимости самого процесса охоты и ее результата. В стихотворении «*Горттӧм пон*» («Бездомная собака») героиня сопереживает душевной боли никому не нужного животного, усиливая драматизм ситуации сопоставлением с собакой сытой и любимой хозяином*.

* Особое сопричастие к чужому страданию отмечается исследователями в лирике Ашальчи Оки, родоначальницы удмуртской поэзии [2. С. 496, 501].

Хотя в поэзии А. Мишариной нет темы материнства, но ее героине свойственно особо трепетное отношение к детям и миру детства: искренность, откровенность детей, неподдельность в выражении ими чувств и эмоций («Сиктса челядьлы») также утверждают ценность ежедневной будничной жизни и непринужденного общения человека с миром.

«Женственность» героини А. Мишариной выражается в особенностях переживания ею чувства любви: в форме жертвенности и самоотдачи, поглощенности объектом любви: *Эм саридз менам – олём, / И пыжыс шобрас – ме. / И парус – менам долдой, / А төвнырыс, дерт, тэ* ‘Есть море у меня – моя жизнь, / И лодка посреди нее – я сама. / И парус – моя душа, / А ветра порыв, направляющий его, конечно же, – ты’; <...> / *Пырин сьолёмө тэ төдлытөг – / И эн дзескөд сьолём жыр. / Ола тэөн некор пөтлытөг, / Соддө муслундой, оз быр* ‘<...> / Вошел в мое сердце ты внезапно – / И не стеснил сердца пространство. / Живу тобою никогда ненасыщенная, / Прибывает любовь и не убывает’.

Непреодолимое желание гармонизировать окружающий мир, по сути, наряду с материнством, – также архетипическое свойство женской ментальности: быть полезной и необходимой людям, выражать ценность общения с близкими людьми, призывать к доброте и вниманию по отношению друг к другу, видеть красоту в обыденном, простом – повседневном – цель словотворчества коми поэтессы*:

*Омлялө турөбыс, скöралө төлыс,
Буракө, төлыслы матысмө пом.
Лекысла чайысьсө скөрмөм март төлысь,
Вөв кыдзи тэрмасьсө орөдны дом.*

Завывает метель, неистовствует ветер.
Видимо, зимы приближается конец.
Изо всех сил бушует рассерженный март месяц,
Словно конь торопится оборвать уздечку.

*Тулыслөн лов шыыс век жө нин кылө.
Лунысь-лун ёнджыка гораммө пыр.
Сувтлы да видзөдлы керкаяс вылө,
Кодьясөс мичмөдис йинёньяс сыр.*

Дыхание весны все ближе и ближе.
С каждым днем все гульче и звонче голос ее.
Встань и взгляни на дома,
Которые украсила сосулук бахрома.

Заметная черта характера героини А. Мишариной – равнодушие, соучастие, а потому ее лирика направлена и обращена вовне, что воплощается в семантически разнообразных вариантах стихотворений-обращений и в императивных формах – «чукөстчөмьяс» [4. С. 43], как средства формирования контакта, непосредственного диалога с миром, выполняющих функцию сближения и единения с ним. О б р а щ е н и я (один из доминирующих структурных принципов автора) можно условно классифицировать на обращения-констатации и утверждения, характеризующие адресата («Тэ менам – кок ув му», «Ты – моя родина»); на обращения-пожелания («Мед некор оз кус...», «Пусть никогда не погаснет...»); «Мед энэжыс вөлі век лөз», «Пусть небо всегда будет голубым»); на стихотворения-посвящения («Сиктса челядьлы», «Сельским ребятишкам»;

* Можно провести параллель с мироощущением марийской поэтессы Альбертины Ивановой, которая в ранний период творчества также выражала глубокую уверенность в счастливом будущем, любовь к жизни и восторженность перед повседневностью – «перед прекрасным утром, миром, упоением жизнью, молодостью, природой» [6. С. 79; 89].

«Тэныд», «Тебе»; «Оти бур мортлы», «Одному хорошему человеку»; «Чужтём кагаяслы», «Неродившимся детям»); также обращения-назидания и др.:

Энõ шыбласьõй тi, войтыр, сiйõн вывти. Не бросайтесь, люди, им сильно.
Видзчысьõмõн шуõй петысь кывтõ. Осторожно произносите слово.
 («Кывьяс») («Слова»)

Сентенциозный характер императивных форм колеблется от просьбы и совета до серьезного наставления, принимающего форму заклинания: *Кедзовтысьлы, сылы тõрас, / Чизыр вой тõлõ мед пõрас / <...> / Дышлы сетчысь пõрас нюрõ, / Зиль да тэрыб – ёльõн тюрас* ‘Обидчику воздастся, / В пронизывающей ночной выюге пусть заблудится / <...> / Ленивый в болоте застрянет, / Трудолобивый да ловкий – ручьем потечет’ («Лыддьõдлõм», «Считалка»). Дидактичность автора тактично эмоциональна, неподдельно искренна, обращена к душе, совести человека – активное соучастие в жизни окружающей действительности пронизывает всю лирику Мишариной: это стремление лирической героини характеризовать, описывать, оценивать и воздействовать поэтическим словом; автор напрямую подводит читателя к конкретным поступкам, планирует и организует его действия: *Верстямман, олõмсõ донъявны кутан* ‘Повзрослешь, жизнь ценить начнешь’ («Олõмсõ донъявны кутан»). Речь героини – непосредственная беседа, наглядно раскрывающая, поясняющая ту или иную ситуацию, получает выражение в сложносочиненных и сложноподчиненных конструкциях, позволяющих «развернуть» мысль автора:

<i>Морт олõмын овлõны здукьяс,</i>	В жизни человека бывают минуты,
<i>Кор сьõлõмтõ кырышлõ дой.</i>	Когда сердце царапает боль.
<i>Сэк олõмыд быттьõкõ сувтлас</i>	В такие минуты жизнь словно замирает,
<i>Да юр весьтад пукяс сьõд вой.</i>	И над головой опускается черная ночь.

Тяготение лирической героини А. Мишариной к информативности в стихотворениях-миниатюрах условно можно назвать формулами лирической «теоретизации» жизни. Уже в первом сборнике поэтесса стремилась уловить и метко, образно запечатлеть уникальные черты северной природы («Войвыв дзоридз», «Северный цветок»), универсальное в жизни и характере человека («Бурлункõд леклуныс орчõн на олõ...», «Зло с добром рядышком шагают»; «Кывьяс», «Слова»; «Буждысь коз», «Осыпающаяся ель»).

<i>Веж бадь увти гусьõн ичõt ёль</i>	Под ветвями зеленой ивы лесной ручеек
<i>Сõtõм васõ ассьыс лõня нуõ.</i>	Чистую воду свою неспеша несет.
<i>Ас йывсьыс дзик некодлы оз доль,</i>	О себе никому он не твердит.
<i>А õд сысь артмõ ыджыд юйс.</i>	А ведь из него образуется большая река.
(«Ёль»)	(«Ручей»)

В таких «семантически концентрированных» миниатюрах В. А. Латышева видит глубокую метафоричность. Эффект обобщенности и афористичности мысли в них приглушен, на наш взгляд, во-первых, использованием сложносочиненных союзов и конструкций, выводящих в область разговорного стиля,

а во-вторых, конкретностью, развернутостью названий, заведомо раскрывающих идею и сужающих ассоциативный фон при восприятии текста: «*Вежны позьтём му*», «Незаменимая земля»; «*Страдна кадё*», «В разгар страды»; «*Локтас сійё, кодї эз на вёв*», «Придет тот, кого еще не было»; «*Мем талун нюмдис тёдса морт*», «Мне сегодня улыбнулся знакомый человек»; «*Быдтор тёдны кёсйысь кань*», «Кошка, которая хотела все знать». Лирика насыщена оценочной интонацией, ярко выраженной позицией героини по отношению к изображаемому. Стихотворения Мишариной музыкальны, ритмичны, эмоциональны ввиду тяготения к поэтике фольклора, к лексике и синтаксису повседневной речи. В них формируется атмосфера непринужденности и откровенности лирического монолога, чему способствуют обращения (императивы), уменьшительно-ласкательные формы наименования адресата, междометия, сложноподчиненные и сложносочиненные союзы и конструкции фраз, вводные слова, фольклорные эпитеты, приметы, устоявшиеся выражения, анафоры и другие разновидности поэтических повторов. К примеру: *Дженьыд, вёлём, коньёрлөн тай нэмыс. / Жаль эськё да, мый нё сэсса вёчан?..* ‘Короткий, видимо, век у бедняги. / Жаль конечно, но что потом поделаешь?..’ («*Чойсянь письмо*», «*Письмо от сестры*»); *Ота-мёда костысь / вот-вот орас кутёд* ‘Между нами / вот-вот гляди обрвется связь’ («*Ертлы*», «*Другу*»); *век тэн этша, ой-ой-ой* ‘все тебе мало, ой-ей-ей’ («*Мыйла мортыд сёмын олан?*», «*Для чего, человек, живешь?*»); *А менам, йёйлён, восьса сёлём* ‘А у меня, у глупой, открытое сердце’ («*Ме бара отка коли тані...*», «*Я опять осталась здесь одна...*»); *сулалё со дзик пу улас* ‘стоит вон прямо под деревом’ («*Тиакьяс*», «*Грибы*»); *ёні пышйы-пыр* ‘а теперь бегом беги’ («*Вотчан кадё*»). Эпитеты, метафоры в лирике Мишариной, как правило, фольклорны, устойчиво повседневны, семантически однозначны: *югыд шондї* ‘яркое солнце’, *гажа тулыс* ‘веселая весна’, *ловзьысь вёр* ‘пробуждающийся лес’, *помтём видзьяс* ‘бескрайние луга’, *еджыд кыздыяс* ‘белые березы’, *визув ю* ‘быстрая река’, *ззысь тёлысь* ‘серебряный месяц’, *олёмыд быттьокё сувтлас* ‘жизнь словно замирает’, *сёлёмтё кырыштлө дой* ‘сердце царапает боль’, *юр весьтад пуксяс сёд вой* ‘над головой опускается черная ночь’, *шоглы тойыштасны сывьяс* ‘толкнут в руки тоски’, *быдён новлөдлө сёлёмас би* ‘каждый носит в сердце огонь’; но наблюдаются и оригинальные, авторские: *рёмпöштан кодь шыльыд йизьём туйыс* ‘зазеленелая дорога гладкая, словно зеркало’; *шондїсö мöй кокыштіс рака чукөр енэжысь?* ‘солнце что ли склевала с неба стая ворон?’ («*Зэра ар*», «*Дождливая осень*»); *Бөр нюлыштіс шоныдыс лымсö му вылысь* ‘Обратно тепло слизнуло снег с поверхности земли’. Интенсивность переживаемых ощущений создается, как правило, лексически или синтаксически: посредством префикса, суффикса, слова, сложноподчиненной структурой, а также двойным отрицанием: *дона тэнад ставнас оланног* ‘вся твоя жизнь целиком дорога мне’, *тэон шуём дзик быд кыв мем дона* ‘абсолютно каждое сказанное тобой слово мне дорого’, *да чолёмасис кызкё торья пöся* ‘и поздоровался как-то особенно горячо’, *сэтишём сёкыд лов вылын* ‘так тяжело на сердце’, *мен кувмөн муса енэж рёма синьяс* ‘мне до смерти милы глаза цвета неба’, *мыйта петёма нин тиакыс* ‘сколько ж грибов пошло’, *кутишём муса меным тэнад нимыд!* ‘как же дорого мне твое имя!’.

*Усьысь лымыйыс оз шеддочы киö,
Сійöс сывтыръяс бергөдлө төв,
И эв ыджыд обида ас тын,
Кутийöм некор на менам эз вöв.*

(«Усьысь лымыйыс оз шеддочы киö...»)

Падающий снег не поймать рукой,
Его в ладонях крутит-вертит ветер,
И очень большая обида в глубине моей души,
Какой еще до сих пор не бывало.

(«Падающий снег не поймать рукой...»)

Тяготение лирической героини к информативности (стихотворения с оттенком сентенции, дидактизма и «лирической теоретизации») позволяет говорить, что в основе поэзии А. Мишариной – не столько поиск, сколько утверждение мысли. Преподаватель по образованию, она и в творчестве обнаруживает эту особенность: информация о мире и для мира доминирует над выражением оттенков собственного внутреннего мира, что особенно выразительно представлено в ранних сборниках, где героиня чаще выступает в роли наблюдателя: *Аддза син водзын сэтшиöм ясыда / Челядьдырöс ме гожся асылö* ‘Вижу перед глазами так ясно / Детство я в летнее утро’ («Асыв», «Утро»). «Я» лирической героини зачастую занимает второстепенную позицию, словно «мелькая» на фоне окружающей реальности:

*Чарöм вывти вөрö төвзя,
Вöрыс мөд кодь, абу төвся.
Лымыйыс сэтшиöм – синтö ерö.*

*Чайтан, видзөдласыд орö.
Качöм енэж шондi бана,
Му выв гажыс – вöрас танi!*

(«Төдö ассыс уджсö тулыс...»)

По насту в лес лечу,
Лес другой как будто, не такой, как зимой.
Снег такой, что слепит глаза.

Кажется, ослепнешь.
Взлетевшее небо солнцелико.
Вся радость земли – здесь в лесу!

(«Весна знает свою работу...»)

Стихотворение не столько выражает оттенки впечатлений героини от лесной прогулки, сколько изображает сам лес в период ранней весны; при этом через «Я» героини передается цвет снега – он такой, что слепит глаза. Природа в ранней поэзии А. Мишариной – скорее объект ее наблюдения, описания и любования, нежели средство передачи ощущений.

О доминировании в ее ранней лирике образа окружающей действительности говорит также то, что сознание героини сосредоточено чаще в образе, близком к повествователю, а стихотворения характеризуются большей описательностью и сюжетностью. Как правило, это стихотворения-пейзажи («Тувсов шондi», «Весеннее солнце»; «Турöба войö», «Вьюжная ночь»; «Төвся асыв», «Зимнее утро»), стихотворные изображения будничной жизни села («Гожöм», «Лето»; «Көдзыд! Лэбачьяс лэбигас кынмöны...», «Холодно! Птицы замерзают на лету»; «Страдна кадö», «В разгар страды») или событий из жизни героини («Отпускын», «В отпуске»). Мироотношение автора при отсутствии личного местоимения (Я или МЫ) выражается опосредованно: через обращения, вводные оценочные слова и др. Ощущения и ассоциации внутреннего мира лирического субъекта проскальзывают «скромно», неброско, словно вкраплениями, случайно выскользнувшими среди главенствующего образа окружающей реальности, представить которую (в различных формах ее гармонии, заключенной в природе, детстве, людях и др.) и выразить свое к ней отношение – предпочтительнее было в иной период

творческой деятельности. «Я» в ранней лирике А. Мишариной словно отведено на второй план, приглушено ценностью коллективного и общечеловеческого: героиня зачастую объективирует собственные чувства, сообщая им внеличностный, надындивидуальный, общечеловеческий опыт: *Овлывлө – чеччигад сьёлöмьд сьылö, / Водигад – морöссьыд ыджыд дой кылö* ‘Бывает – вприпрыжку сердце поет, / Когда спать ложишься – из глубины души выходит боль’ («Бурлункöд леклуныс орччöн на олö...»).

Ясность, стабильность в отношениях с миром героини ранней А. Мишариной, когда четко определен вектор движения по жизни и обозначены ценности, также обретает соответствующую ей форму выражения: отсутствие вопросительных конструкций, утвердительная интонация, причинно-следственная взаимосвязь мыслей и чувств, четкий порядок расположения членов предложения (редкое обращение к инверсии или опущению), стремление к подведению выводов-оценок и выводов-пояснений в конце и между строф, отсутствие наложения ассоциативных мыслей и чувств – поэтическая речь автора структурирована, логически выверена, подкреплена выводами и аргументами:

*Муса кө нин, сідзкө, мича,
Радейта кө, сідзкө, дона.
Коді уна зарни видзö, –
Сы дорьсь ме озыр ена.*

(«Тэнö зарниöн кө шуа...»)

Раз любимый, значит, красивый.
Раз люблю, значит, дорог.
Тот, кто владеет большим количеством золота,
Того я намного богаче.

(«Тебя назову если золотом...»)

Структурированность мышления героини выражается в четкой ритмической организации стихотворений благодаря использованию в пространстве одного поэтического текста определенной стопы, рифмы, размера строк, лексических и синтаксических повторов:

*Коми муöй менам дженьыд гожöмьяса,
Но и сійö менам сöстöм пожöмьяса.
Коми муöй менам веж морозьяса,
Но и сійö менам мича козяса.
Коми муöй менам зэра арьяса,
Но и сійö менам байдöг-тарьяса,
Коми муöй менам зыбуч нюрьяса,
Но и сійö менам сьöла-урьяса.*

У Коми земли моей лето короткое,
Но она же у меня с соснами чистыми.
У Коми земли моей морозы свежие,
Но она же у меня с елями красивыми.
У Коми земли моей осень дождливая,
Но она же богата куропатками и
тетеревами.
У Коми земли моей болота зыбучие,
Но она же у меня с рябчиками и белками.

В стихотворениях А. Мишариной единый смысловый стержень скрепляет все формальные элементы текста: главная идея группирует вокруг себя каждую строку, деталь и образ, которые выражают собой определенную мысль, направленную на развитие основной. Как отмечает В. Н. Демин, «отрадно, что свои размышления А. Мишарина облакает в лаконичную поэтическую форму. Стремление к экономному использованию слова – еще одно достоинство ее стихотворений» [3. С. 266]. Структура стихотворений воссоздает тонкое взаимопроникновение общечеловеческого и личного:

Ставыс вежсьё, олёмьс оз сулав,
 Кодкё ловзьё, кодкё и, дерт, кулё,
 Быдторлы тай воё аслас кад.
 Со и менам бара олём вежсис,
 Кодарё нин ёни менам кежсис?!
 Сьёлёмойлы мыйкё тай со рад.
 («Вежсьём»)

Все меняется, жизнь не стоит на месте,
 Кто-то рождается, кто-то, конечно, умирает,
 Всему есть свое время.
 Вот и в моей жизни произошли изменения,
 В какую сторону только повернуло?!
 Сердцу ж почему-то радостно.
 («Обновление»)

Стиль рассказывания, конкретность-однозначность изображенной ситуации и многое другое из вышеперечисленного дают основание судить о героине как образе человека рационального, социально и душевно адаптированного к земным превратностям судьбы. Стойкая любовь к жизни, готовность преодолевать любые жизненные невзгоды находят воплощение и в тяготении поэтессы к юмористическим стихотворениям, в основе которых – подтрунивание героини над самой собой. Юмор становится основополагающим средством преодоления душевных переживаний, порожденных определенными курьезными ситуациями. Примечателен и другой способ «управления» эмоциональным состоянием в лирике А. Мишариной: так, в стихотворении «Чойсянь тисьмё» («Письмо от сестры») форма решения жизненных трудностей – речь от лица другого персонажа. Героиня получает совет и поддержку со стороны, в то время как в новейшей женской лирике, как правило, не от кого ждать утешения и доброго совета, а потому в ней наиболее выявлены феномен одиночества и порожденная им автокоммуникация [подробнее см.: 7].

Лирическое осмысление А. Мишариной действительности меняется не столько в формальных аспектах, сколько в мировоззренческих: утверждающий, информативный, дидактичный, разговорный стили письма с редким отступлением служат средством выражения обновляющегося с годами миропонимания и мироощущения. Значительное смысловое насыщение при этом получают поэтические образы. Так, природа в поздних стихотворениях А. Мишариной – уже не только пейзаж, а начинает выступать в новых ипостасях, приобретая при этом художественную функциональность и значимость, так как в ней не только обозначены акценты своеобразия северной природы («Тан дженьид гожёмьяс...», «Здесь лето короткое...»), но и воплощены языческие корни коми человека: *Веж нитшка вольпаяс / потаныс – му, / Коз пулён шувгёмьс – / пёчылён мойд, / Сёдзтысьё му пытшкысь / Войт бёрся войт* ‘Высланная зеленым мхом / люлька – земля, / Шуршание елей – / сказания бабушки, / Просачивается сквозь землю / Капля за каплей’ («Веж нитшка потансянь», «Из колыбели зеленого мха»). Образ природы насыщается смысловой глубиной: она обретает черты большей сакральности и величественности в облике обители и прародительницы лесных (коми) людей («Пёльяс да пёчьяс йылысь», «О предках»). Героиня не столько изображает и описывает природу, сколько выявляет ассоциативные связи собственной души с окружающим пространством – погода, мир бытовых вещей начинают вторить ее душевной организации: *Кор эм тэ, / Керкаыс сэк быттьё югыд, / И быттьё ионалёма менам / Кёдзид пачёй* ‘Когда есть ты, / Дом словно полон света, / И словно нагрета моя / Холодная печь’ («Кор эм тэ...»).

Примечательны эволюционные метаморфозы цветовой гаммы стихотворений: с годами в творчестве поэтессы появляется характерный для новейшей женской коми лирики образ вечера, ночи и бессонницы* («*Оз помась некыдз тайб войыс...*», «Никак не закончится эта ночь...»), пасмурной и дождливой погоды («*Зэра кымөръяс*», «Дождевые тучи»), «фоном» зачастую служит тоскливая зимняя ночь («*Толься вой*», «Лунная ночь») – природа становится тоскливой, сумрачной, пасмурной. В ранней лирике поэтессы зимний пейзаж был сказочно обворожителен – сейчас же от него веет холодом и темнотой; если ранее любое время года было привлекательно для героини, то теперь она ждет весну как начало перемен. В отношении эволюции мироощущения героини показательно стихотворение «*Горттём пон*» («Бездомная собака») в сб. 1996 г., где образ животного уже не самостоятелен, как в раннем одноименном стихотворении, а спроецирован на саму лирическую героиню – номинативность в выражении лирического переживания уступает образности, ассоциативности, психологическому параллелизму. Объектный образ бездомной собаки спустя много лет служит совершенно иной цели – более наглядной передаче ощущений самой героини: *Тадз жё менё малыштлісны, / Сэсся бёрас тальыштлісны...* ‘Так же и меня приласкали, / А потом обратно оттолкнули...’. Углубление содержательности образов происходит во многих аспектах: малая родина осмысливается уже не только как часть дружного и гармоничного единого целого мира, и внимание героини сосредоточено не только на воссоздании будней сельских жителей, но и на изображении своеобразия жизни жителей севера, традиций и характера коми человека – родине придается автором национальный аспект: «*Нимтысьбём*» («Как давали имена»), «*Миян керка абу таса*» («Наши дома не запираются»).

С годами лирика А. Мишариной принимает черты «конфликтности», вынося на обсуждение проблемы современного общества: прежняя гармония в отношениях с миром в некотором смысле нарушается. На первый план выносятся анализ общественно-исторических (последствия революции, войны в жизни людей), экологических (истребление природы, катаклизмы и природные аномалии), философско-метафизических (образы болезни и смерти, високосного года, апокалиптические мотивы), бытовых (дорожание продуктов), морально-нравственных проблем (зависть, лицемерие, равнодушие, отношение к родителям и обусловленное советским временем отношение к религии и церкви). Восторженность перед земной жизнью сменяется «задумчивой» радостью, знанием, насыщенным жизненным опытом. Лирическая героиня не только утверждает, но и задумывается (восклицательные знаки сменяются многоточиями); эмоциональная приподнятость трансформируется в ощущение некоторой душевной опустошенности (образ каменного сердца); речь героини замедлена, нейтральна – как погружение вглубь себя.

Ценность жизни выражается в большей степени импрессионистически – не в лучших формах общественного начала, а в мимолетных мгновениях окру-

* Обрезкова Н. «*Менам ёшинь серодз биа...*» («Допоздна не гаснет свет в моем окне...»); Втюрина Л. «*Лабич вылын*» («На крылечке»); Елфимова А. «*Аддзан, ёшлб кодзувьяс...*» («Видишь, свисают звезды...») и др.

жающей повседневности. Так, в стихотворении «*Ме шондисьыс на водз...*» («Я раньше солнца...») изображена предельно обыденная ситуация: героиня просыпается летним утром раньше солнца и спускается к реке любоваться противоположным берегом и слушать пение птиц. Потребность ощутить покой, равномерность жизненного потока, умиротворение в единении с природой становится первостепенным желанием героини. Зрелая лирика Мишариной выразительнее в аспекте впечатлительности и жалостливости лирической героини: ощущается ее боль не только за раненых или обиженных животных, но и за сорванные цветы и срубаемую березу («*Сьёлём бердодз ставыс инмё*», «Все вокруг глубоко трогает сердце»). Первоначальные пафосность, восторженность, патетичность уступают место минорным нотам, поглощенности внутренними – четко не очерченными, зарождающимися – дилеммами, что раскрывает крушение былых жизненных принципов лирической героини, тенденцию к переосмыслению прежнего миропонимания: *Мыйкё вежсьёма нин, / Лоёма со мекёд. / Босьт-лас гажтём, / Сэсся ыркылан и вунан* ‘Что-то изменилось, / Сталось вдруг со мною. / Почувствуешь радость, / А потом остывает и забываешь’ («*Кутийём дыр нин...*», «Как же долго...»). Важно отметить, что героиня разочарована не в самой жизни, а в современном для нее общественном устройстве: продолжая проникаться не столько собственными проблемами, сколько проблемами общества, в силу особой женской впечатлительности, подкрепленной жизненным опытом, она проникновенно, искренно и детально воссоздает атмосферу ситуации, вызвавшей переживания, заставляет сопереживать и задуматься: *Корсим вёрысь / Петан туйсё, / Ордымыс эз сюр. / Тыынысь пыйийим, / Чадо воим, / Кольмис уна юр. / Мортлён олём / Медся донтём, / Шойнаягыс тыр. / Чужысьясёлён / Чинё лыдыс. / Оз-ё йёзыс быр?..* ‘Из лесу / Искали выход, / Тропинки не нашлось. / Из огня, / Да в полымя, / Вскружило много голов. / Жизнь человека / Обесценена, / Кладбищенский бор переполнен. / Новорожденных / Все меньше. / Не вымирает ли человек?..’ («*Чадо воим*», «Наступили тяжелые времена»). Героиня зрелой поэтессы открыто и непредвзято говорит с читателем об острых, актуальных проблемах современности, в душе все так же продолжая любить жизнь: *Ёль ва моз олёмсё / ме юышта кош дорсьыс. / Шань сьёлёмён бур кывъяс / Век на тэча-корся* ‘Словно лесной ручеек жизнь / помаленьку выпиваю из ковша. / Добрым сердцем добрые слова / Все так же складываю-ищу’.

Таким образом, лирику первой крупной коми поэтессы Александры Мишариной можно осмыслить как утверждающую ценность жизни на земле в ее лучших качествах, носителем которых является человек. Приятие земной данности в любом ее облике становится выражением особой духовной силы и жизнестойкости героини. Рациональное миронаблюдение, активная позиция информатора, но также сторонника и соучастника жизни общества в сочетании с глубокой женской сердобольностью, чувствительностью и чуткостью к морально-нравственной жизненной позиции характеризуют лирику поэтессы на всем протяжении ее творчества и находят воплощение в императивных, дидактичных формах самовыражения, а также в доминировании образа окружающего мира над внутренним миром лирической героини (образы людей, природы,

общественных проблем, морально-нравственных категорий и др.). Ценность жизни на земле в лирике А. Мишариной вырастает в процессе осмысления ее как единственно существующего самоценного пространства и заключается большей частью в рамках общества, в центре которого – человек активный, нравственно цельный, созидательный, наполняющий гармонией окружающий мир. Творческая эволюция автора выражается в расширении диапазона объектов поэтического осмысления, в семантическом насыщении лирических образов, трансформации цветовой гаммы, а также усилении личностного начала стихотворений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Брандт Г. А.* Природа женщины как проблема (концепция феминизма) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 167–180.
2. *Васильев И. Е., Серова М. В., Федорова Л. П.* Творчество Ашальчи Оки в контексте художественных поисков литературы России // *Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: коллективная монография / науч. ред. Т. А. Снегирева, Е. К. Созина.* Екатеринбург – Ижевск – Сыктывкар: Издательство УМЦ УПИ, 2014. С. 486–515.
3. *Демин В. Н.* «Мне слова твои запали в душу...» (А. Мишарина) // *Демин В. Н.* На небе звезда...: Введение в теорию и историю коми поэзии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 264–268.
4. *Латышева В. А.* Эм саридз менам – олём... (А. Мишарина) // *Войвыв кодзув.* 2005. № 10. С. 42–49.
5. *Латышева В. А.* Современная лирика коми // «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки): *Материалы II Всеросс. науч. конф. финно-угроведов (2–5 февраля 2000 г., Саранск).* Саранск: Красн. Окт., 2000. С. 332–336.
6. *Манаева-Чеснокова С. П.* Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 188 с.
7. *Малева А. В.* Одиночество как смысловая доминанта образа лирической героини современной женской коми поэзии // *Ежегодник финно-угорских исследований.* 2012. Вып. 1. С. 51–58.
8. *Полякова И. П.* Красота повседневной жизни в искусстве // *Вестник МГОУ. Серия «Философские науки».* 2009. № 2. С. 122–128.
9. *Тэ менам – кок ув му (Ты – моя родина)* // *Куим сыланкыв (Три песни).* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. С. 7–45; *Войвыв дзоридз (Северный цветок).* Сыктывкар: Коми кн. изд., 1980. 112 л. б.; *Коми мудй, сьёлмшөрй (Земля моя коми, любимая).* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 31 л. б.; *Быдмам войвылын (Растем на Севере).* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. 30 л. б.; *Рыгтя серни (Вечерние беседы).* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 112 л. б.; *Сьёлм дой (Боль в сердце).* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 144 л. б.; *Машалы козин (Подарок Маше).* Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2001. 144 л. б.; *Шань сьёлмӧн сыла (Пою от сердца доброго).* Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2005. 304 л. б.; *Чужанінын, гортын (На родине, дома).* Сыктывкар: ООО «Анбур», 2013. 192 л. б.

Поступила в редакцию 10.08.2015

A. V. Maleva

**Poetics of the Value of Life and Daily Occurrence:
Some Aspects of Alexandra Misharina's Poems**

The article analyses the first prominent komi poetess Alexandra Misharina's poetry. Komi literary critics V. A. Latysheva, V. N. Dyomin and other researchers have already studied thematic, genre, and figurative features of her poems. The purpose of this paper is to investigate the author's world vision, its peculiarity, and how it is expressed in her poems, also to reveal the dominating lines of her poetics and to analyze some evolutionary transformations of the lyrical world perception.

Keywords: Komi poetry, female lyrics, author's world vision, poetics.

Малева Анастасия Валерьевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: malana84@mail.ru

Maleva Anastasia Valerievna,

Candidate of Sciences (Philology), Research Associate,
Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre,
the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: malana84@mail.ru